

М. А. Митина*

СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Целью института международной подсудности, который относится к области регулирования международного гражданского процессуального права, является разграничение компетенции судов различных государств по делам с иностранным элементом. Эта цель достигается различными правовыми средствами,¹ которые в совокупности мы называем метод регулирования международной подсудности. Данный метод характеризуется следующими составляющими: 1) принципы (общие подходы) определения международной подсудности; 2) способы (конкретные правовые механизмы) определения международной подсудности.

Общий принцип всех современных правовых систем, положенный в основу определения пределов международной подсудности, заключается в том, что любое лицо — гражданин или иностранец — может выступать истцом и ответчиком в судах государства.² Но его применение требует объективных ограничений, ибо государство не может претендовать на разрешение всех мировых споров. С одной стороны, государство может определить такие внутригосударственные элементы в спорном правоотношении, связанные со своей территорией, которые оправдывали бы разрешение спора судами данного государства. С другой стороны, государство может регулировать международную подсудность только своих собственных судов, но не судов других государств.

Правовые подходы, лежащие в основе регулирования международной подсудности в национальных законах государств и в международных договорах, отличаются разнообразием. При всем многообразии в мировой практике можно выделить три основных типовых подхода к регулированию международной подсудности.³ Условно их можно назвать «французская», «немецкая» и «английская» системы определения международной подсудности. Определенную модификацию «английской» системы представляет

---

* Митина Марина Александровна — старший преподаватель кафедры гражданского процесса юридического факультета СПбГУ.

© М. А. Митина, 2011

E-mail: mitmara@list.ru

¹ О соотношении категорий «цель» и «средство» в праве см.: Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001. С. 292–309.

² Вольф М. Международное частное право / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. Л. А. Лунца. М., 1948. С. 68–69.

³ Лунц Л. А., Марышева Н. И. Курс международного частного права: В 3 т. Т. 3. Международный гражданский процесс. М., 1976. С. 66.

Практически все более поздние российские авторы воспроизводят эту классификацию (см., напр.: Дробязкина И. В. Международный гражданский процесс: проблемы и перспективы. СПб., 2005. С. 51; Мамаев А. А. Определение компетентного суда по гражданским делам с участием иностранных лиц: нормы иностранного права: Учеб. пособие. Хабаровск, 2003. С. 23–48; Ануфриева Л. П. Международное частное право: В 3 т. Т. 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник. М., 2001. С. 302–309.

собой «американская» система.⁴ Основным критерием для такой классификации является та цель, которая полагается государством для определения пределов юрисдикции своих судов:⁵ защита граждан (персональный принцип); учет коллизирующих интересов сторон (территориальный принцип); реализация «физической власти»⁶ суда (условно говоря, формальный принцип).

Территориальный принцип определения международной подсудности исторически был основан на практике применения общих правил внутренней территориальной подсудности для нужд международной подсудности.⁷ Правила о внутренней территориальной подсудности выполняют, таким образом, две функции: одни и те же определяющие признаки служат установлению суда, пространственно наиболее тесно связанного с разрешаемым правовым вопросом. Это оправданно и с юридической, и с практической точек зрения, поскольку государство ставит международную подсудность своих судов в зависимость от интересов, подобных тем, которые учитываются при определении внутренней территориальной подсудности.

Данная система международной подсудности получила столь широкое распространение благодаря тем преимуществам, которые она в себе заключает и которые во многом соответствуют современным международным стандартам правосудия. Она гарантирует свободный доступ в суды государства на условиях равенства всех перед законом и судом любым лицам безотносительно к гражданской принадлежности сторон гражданского дела и без каких-либо дополнительных формальных условий. Она соответствует принципу правовой определенности, поскольку предполагает законодательное закрепление тем или иным способом территориальных признаков определения международной подсудности. Она гарантирует также принцип процессуального равноправия сторон с точки зрения учета их интересов, влияющих на выбор оптимальной юрисдикции. Она позволяет реализовать и принцип баланса публичных и частных интересов в рамках института международной подсудности. Она также служит проявлением такого принципа международного права, как принцип суверенного равенства государств, который базируется на международно-правовой обязанности взаимного признания государств и их правопорядков, в том числе и взаимного признания судебных систем. А поскольку территориальный принцип определения международной подсудности ассимилирует иностранных граждан и иностранные организации с собственными субъектами права, он основан на «доверии беспристрастности иностранного судьи»⁸ и тем самым отвечает указанному принципу международного права.

---

⁴ *Елисеев Н. Г.* Гражданское процессуальное право зарубежных стран: Учебник. 2-е изд. М., 2004. С. 272–274; *Светланов А. Г.* Международный гражданский процесс: Современные тенденции: Монография. М., 2002. С. 43–47, 51–53; *Шак Х.* Международное гражданское процессуальное право: Учебник / Пер. с нем. М., 2001. С. 192–193, 240–242; *Фолсом Р. Х., Гордон М. У., Спаногл Дж. А.* Международные сделки: Краткий курс / Пер. с англ. М., 1996. С. 426–429.

⁵ *Вольф М.* Международное частное право. С. 75.

⁶ Цит. по: *Чешир Дж., Норт П.* Международное частное право / Пер. с англ.; под ред. и со вступ. ст. М. М. Богуславского. М., 1982. С. 79.

⁷ *Луниц Л. А., Марышева Н. И.* Курс международного частного права: В 3 т. С. 67–68; *Шак Х.* Международное гражданское процессуальное право: Учебник / Пер. с нем. С. 109–111; *Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П.* Международное частное право и сравнительное правоведение / Пер. с нем. М., 2001. С. 58; *Гражданское процессуальное уложение Германии — Deutsche Zivilprozessordnung mit Einföhrungsgesetz: Вводный закон к Гражд. процессуальному уложению / Пер. с нем. М., 2006. С. 5.*

⁸ *Яблочков Т. М.* Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль, 1909. С. 62.

Особая заинтересованность сторон при определении международной подсудности заключается в предвидении места рассмотрения спора. В последнее время в мировой практике такому интересу сторон придается большое значение. Это и понятно, поскольку общепризнанный принцип международного права свободного доступа к суду гарантируется общепризнанным же положением международного права о праве заинтересованных лиц на рассмотрение дела компетентным судом, созданным на основании закона (п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; ч. 1 ст. 47 Конституции РФ).⁹ В постановлениях Конституционного Суда РФ неоднократно подчеркивалось, что критерии компетенции судов должны быть определенными и исключать возможность произвольного усмотрения суда при их толковании.¹⁰

Территориальный критерий положен в основу регулирования Регламента Совета Евросоюза о юрисдикции и признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам. В п. 11 его преамбулы указывается: «*Правила о юрисдикции должны быть достаточно предсказуемыми и основаны на принципе места нахождения ответчика*, за исключением нескольких *строго определенных случаев* (курсив наш. — М. М.), когда предмет спора либо воля сторон служат определяющим фактором».¹¹ Определенность компетенции суда во всех ее аспектах тем самым обеспечивает сторонам возможность предвидения суда, который будет рассматривать дело по существу.

Вместе с тем и эта система определения международной подсудности имеет свой недостаток. Дело в том, что критерии, полагаемые в основу правил международной подсудности по территориальному принципу, различаются по содержанию в разных государствах. Это касается и общего критерия — места жительства/места нахождения ответчика, и критериев других видов международной подсудности (например, места причинения вреда).

Российской, затем советской доктриной и судебной практикой была воспринята «немецкая» система определения международной подсудности путем распространения на международную подсудность основных правил внутренней территориальной подсудности. В основе современной российской системы определения международной подсудности по-прежнему лежит территориальный принцип.

В рамках общего территориального принципа, основанного на учете интересов сторон, представляется необходимым подвергнуть исследованию различные конкретные способы определения международной подсудности, используемые в РФ. При этом будем исходить из поэтапного исторического развития института международной подсудности в России.

1. Согласно ст. 224 Устава гражданского судопроизводства Российской Империи: «Дела иностранцев, находящихся в России, как между собой, так и с русскими

---

⁹ См. также: п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норма международного права и международных договоров Российской Федерации» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12); п. 4 Информационного письма Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СПМ-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие» (*Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. 2000. № 2).

¹⁰ См., например, п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» (СЗ РФ. 1998. № 12. Ст. 1459).

¹¹ *Международное публичное и частное право*. 2003. № 1.

подданными, подлежат ведомству русских судебных установлений по общим законам о подсудности».¹²

2. В ГПК РСФСР 1923 г.¹³ и в ГПК РСФСР 1964 г. в период до 1977 г.¹⁴ вопросы международной подсудности не находили отражения. На практике международная подсудность судов общей юрисдикции определялась, исходя из правил внутренней территориальной подсудности, установленных ГПК.

3. Законодательное закрепление этот подход получил в 1978 г. с введением в ГПК 1964 г.¹⁵ ст. 434¹. Из отсылочной нормы ст. 434¹ ГПК 1964 г. следовало, что международная подсудность в Российской Федерации определяется российским законодательством, а в случаях, не предусмотренных специально российским законодательством, — по аналогии из установленных в ГПК правил внутренней территориальной подсудности.

И в действующем ГПК РФ этот способ регулирования международной подсудности нашел использование, хотя теперь он, по нашему мнению, носит субсидиарный характер (ч. 1 ст. 402 ГПК РФ).

4. В АПК РФ 1995 г. впервые вводится специальное регулирование международной подсудности российских арбитражных судов по определенному перечню территориальных критериев (ст. 212).¹⁶

5. АПК РФ 2002 г. в основном сохранил преемственность в регулировании международной подсудности российских арбитражных судов, расширив и дополнив его (ст. 247–250 главы 32 «Компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению дел с участием иностранных лиц»).

Анализ соответствующих норм ГПК РФ 2002 г. позволяет сделать вывод, что основным способом определения международной подсудности российских судов общей юрисдикции также стало ее специальное регулирование (ч. 2 и 3 ст. 402, ст. 403 и 404 главы 44 «Подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации»).

Применение к международной подсудности по аналогии правил внутренней территориальной подсудности соответствовало многолетней практике российских судов.

---

¹² Анненков К. Опыт комментария к уставу гражданского судопроизводства. Т. I. 2-е изд. СПб., 1893. С. 193–200; Яблочков Т. М. Курс международного гражданского процессуального права. С. 64–66.

¹³ СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478; Абрамов С. Н., Лебедев В. Н. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР с постатейно-систематизированными материалами на 1 января 1932 г. 6-е изд. М., 1932. С. 90–93; Гражданский процессуальный кодекс РСФСР / Официальный текст с изменениями на 1 февраля 1961 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1961. С. 11–12, 173–177; Луиц Л. А. О международной подсудности // Актуальные вопросы советского гражданского права. М., 1964; Богуславский М. М., Рубанов А. А. Гражданско-процессуальные права иностранцев в СССР // Советский ежегодник международного права. 1959 г. М., 1960. С. 189 и сл.

¹⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; Луиц Л. А., Марышева Н. И. Курс международного частного права: В 3 т. С. 83–94; Марышева Н. И. Рассмотрение судами гражданских дел с участием иностранцев. М., 1970.

¹⁵ Вслед за введением ст. 60¹ в Основы гражданского судопроизводства СССР соответствующим Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 июня 1977 г. были внесены изменения и дополнения в ГПК РСФСР (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 24. Ст. 586). — См. также: Митина М. А. Статья 434¹. Подсудность судам РСФСР гражданских дел по спорам, в которых участвуют иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные предприятия и организации, а также по спорам, по которым хотя бы одна из сторон проживает за границей // Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. Г. А. Жилина. М., 2002. С. 680–698; Марышева Н. И. Иностранец: правовая защита. М., 1993. С. 40–61; Воронов А. Международная подсудность гражданских дел // Советская юстиция. 1989.

¹⁶ СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.

Однако представляется, что новый подход, принятый в ГПК РФ, как и ранее — в АПК РФ, более оправдан. Части 2 и 3 ст. 402, ст. 403 и 404 ГПК, а также п. 1–9 ч. 1 ст. 247, ст. 248, 249, 250 АПК содержат правила, определяющие международную подсудность судов общей юрисдикции по подведомственным им делам с участием иностранных лиц и арбитражных судов по подведомственным им делам с участием иностранных лиц. Этот способ регулирования международной подсудности обладает рядом достоинств. Законодатель, используя практически те же критерии, что и при установлении внутренней территориальной подсудности, вводит специально и правила международной подсудности. Тем самым достигается определенность компетенции судов именно для аспекта международной подсудности; рельефно обнаруживаются отличия международной подсудности от внутренней территориальной подсудности и отменяются те критерии, которые не имеют значения для международной практики. Специальных правил о международной подсудности, установленных отечественным законодательством за пределами процессуальных кодексов, немного.¹⁷

6. Вместе с тем, как показывает практика, исчерпывающим образом определить международную подсудность российских судов для всех возможных категорий дел — задача трудноразрешимая. Поэтому при разработках нового процессуального законодательства Российской Федерации были предприняты шаги в направлении дополнения основного способа регулирования международной подсудности способами, которые можно назвать вспомогательными. Так, ч. 1 ст. 402 ГПК содержит уже известный способ регулирования международной подсудности: в случае, если иное не установлено правилами главы 44 ГПК, подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации определяется по правилам главы 3 ГПК. Иными словами, за пределами подробного специального регулирования о международной подсудности, помещенного в процессуальный закон, в целях восполнения пробелов используются правила внутренней территориальной подсудности. Распространение действия правил внутренней подсудности на международную подсудность путем законодательного закрепления предпочтительнее, нежели путем применения методов толкования и обращения к аналогии закона. Ибо конституционное положение ч. 1 ст. 47 о том, что «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом», имеет отношение и к международной подсудности.

Определенный интерес в связи с применением указанного вспомогательного способа определения международной подсудности представляет следующее дело.

Определением Самарского районного суда г. Самары от 28 мая 2008 г. гражданское дело по иску Поляковой А. И. к АО «КазТрансОйл» в лице представительства об изменении формулировки увольнения и компенсации морального вреда направлено в соответствующий суд Республики Казахстан, г. Астана по месту регистрации юридического лица АО «КазТрансОйл» через Министерство юстиции РФ по подсудности. Определением судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда указанное определение оставлено в силе.

Президиум вышеназванные определения отменил, указав следующее. Удовлетворяя ходатайство ответчика и направляя дело для рассмотрения по подсудности в Республику Ка-

---

¹⁷ Специальное регулирование международной подсудности российских судов общей юрисдикции содержится в ст. 160 и 165 Семейного кодекса РФ (Федеральный закон № 223-ФЗ от 29 декабря 1995 г. (СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; с посл. изм.)); п. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» (ФКЗ от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (Там же. 1999. № 26. Ст. 3170; с посл. изм.)).

захстан по месту регистрации юридического лица, суд исходил из положений ст. 28 ГПК РФ (глава 3 Кодекса), предусматривающей общее правило о подсудности исков к организации по месту нахождения организации... При этом суд не принял во внимание, что подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации определяется по правилам главы 3 ГПК РФ *только в случае, если иное не установлено правилами главы 44 Кодекса (ч. 1 ст. 402 ГПК РФ)*¹⁸ (курсив наш. — М. М.).

7. В этом смысле новелла п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ едва ли может быть признана удачной. Законодатель оставляет перечень правил международной подсудности арбитражных судов Российской Федерации открытым и относит на широкое судебское усмотрение обоснование дополнительных правил с использованием принципа «тесной связи» спорного правоотношения с территорией Российской Федерации. В данном случае, как представляется, речь идет не о критерии (не о привязке) международной подсудности, а о принципиально ином способе определения международной подсудности. Его также следует отнести к вспомогательным, поскольку он призван восполнить международную подсудность российских арбитражных судов «в других случаях», т. е. за пределами конкретных правил международной подсудности, содержащихся в перечне п. 1–9 ч. 1 ст. 247 АПК.

В современной литературе по международному гражданскому процессу отмечается, что «целью должно стать не притязание на всеохватывающую международную подсудность, а постепенное устранение чрезвычайных видов подсудности».¹⁹ Правило п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК сформулировано без каких бы то ни было ограничительных признаков. В таком виде оно не известно зарубежным законодательствам близких правовых систем, и поэтому носит чрезвычайный характер. Оно не отвечает интересам предвидения сторон при определении международной подсудности. Оно допускает свободное усмотрение суда и тем самым нарушает основополагающие положения международного права и соответствующие им конституционные принципы гражданского процессуального права: свободного доступа к суду и рассмотрения дела компетентным судом, созданным на основании закона. Оно расширяет возможности *forum shopping* истца, чем ущемляются интересы ответчика. В свою очередь в специальной литературе также отмечается, что тенденцией развития института международной подсудности должно стать предпринимаемое государствами снижение числа конкурирующей международной подсудности.²⁰ В п. 15 преамбулы Регламента Совета Евросоюза о юрисдикции и признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам указывается: «В интересах единообразного осуществления правосудия необходимо минимизировать возможность существования конкурирующих процессов и создать уверенность в том, что противоречивые решения не будут вынесены в двух государствах-участниках».²¹ Во всяком случае, при применении п. 10 ч. 1 ст. 247 нового АПК РФ в первую очередь следует учитывать интересы правовой защиты ответчика, лежащие в основе института подсудности.

Примеры российской судебной практики демонстрируют и широкий, и узкий подходы при обнаружении наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ для целей определения международной подсудности арбитражных судов РФ. Так,

¹⁸ *Постановление Президиума Самарского областного суда № 07-06/253 // СПС «Гарант».*

¹⁹ *Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: Учебник / Пер. с нем. С. 93.*

²⁰ Там же. С. 106.

²¹ *Международное публичное и частное право. 2003. № 1.*

интерес представляет Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 апреля 1999 г. № 3223/98.²²

Предприниматель Маслов обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском к иностранному банку «Хансабанк-Латвия» о взыскании определенной суммы денег. Определением суда первой инстанции производство по делу прекращено со ссылкой на то, что иск не подлежит рассмотрению в арбитражном суде РФ в связи с ликвидацией филиала иностранного банка в России. Апелляционная инстанция оставила определение без изменения. ФАС Московского округа оставил судебные акты без изменения, сославшись на сбережение средств предпринимателя в иностранном государстве.

Президиум ВАС РФ в порядке надзора отменил судебные акты трех инстанций и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям:

Арбитражные суды вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц при наличии связи спорных правоотношений с территорией РФ, что закреплено в ч. 2 ст. 212 АПК РФ.

Суд, отказывая предпринимателю Маслову в рассмотрении его исковых требований, не учел, что договор банковского счета заключен с банком в РФ; что финансовая операция, при которой, по мнению предпринимателя, нарушены его гражданские права, проводилась на территории РФ; а также то, что иностранный банк имеет корреспондентский счет (имущество) в российском банке.

Резолютивная часть Постановления Президиума ВАС РФ не вызывает сомнений, а вот мотивы отмены судебных актов не могут быть приняты целиком. Во-первых, Постановление относится к 1999 г., когда действовал АПК РФ 1995 г., а он не содержал нормы, аналогичной п. 10 ч. 1 ст. 247 действующего АПК РФ. Выводить же из специально предусмотренного перечня правил международной подсудности арбитражных судов как общее правило определения международной подсудности принцип наиболее тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ неправомерно. Это прямо противоречит ч. 1 ст. 47 Конституции РФ и ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку тем самым нарушаются права заинтересованных лиц на рассмотрение дел компетентным судом, созданным на основании закона. Во-вторых, не имея на тот момент правовой возможности воспользоваться этим способом определения международной подсудности, суд не должен был использовать для обоснования компетенции российских арбитражных судов критерии, не предусмотренные специально в ст. 212 АПК РФ 1995 г. (место заключения договора, место осуществления деятельности).

При этом следует оговориться, что необходимо проводить различие между общим территориальным принципом, положенным в основу российской системы определения международной подсудности, и принципом наиболее тесной связи спорного правоотношения с территорией государства суда. Действительно, как уже указывалось выше, территориальный подход в определении международной подсудности предполагает выделение таких целесообразных внутригосударственных элементов в спорном правоотношении, связанных с территорией данного государства, которые оправдывали бы разрешение спора судами этого государства и тем самым приобрели бы качество критериев международной подсудности. Закрепление в законе этих критериев есть способ реализации территориального принципа определения международной подсудности. Принцип «наиболее тесной связи» мы потому и называем принципом, а не критерием

---

²² СПС «Гарант».

международной подсудности, что он не наделен необходимой степенью определенности, носит общий характер. Вместе с тем он носит частный характер по сравнению с общим территориальным принципом определения международной подсудности. Последний может иметь разные способы реализации, в том числе и через действие принципа тесной связи. Однако действие принципа тесной связи как способа определения международной подсудности носит исключительный, а не общий характер. Поэтому он должен иметь ограниченную сферу действия, а ограничивающие признаки должны найти отражение в законе.

Наиболее показательным соотношением общего подхода в определении международной подсудности и критериев международной подсудности продемонстрировано в п. 11 и 12 преамбулы Регламента Совета Евросоюза о юрисдикции и признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам. Пункт 11 мы цитировали несколько выше. И далее: «В дополнение к критерию места нахождения ответчика должны быть предусмотрены и *альтернативные основания юрисдикции, основанные на тесной связи рассматриваемого дела и суда или в целях обеспечения надлежащего осуществления правосудия* (курсив наш. — М. М.).²³ По смыслу этих предписаний альтернативные основания юрисдикции, основанные на тесной связи рассматриваемого дела и суда или в целях обеспечения надлежащего осуществления правосудия, должны быть строго определены.

Заслуживает внимания и позитивной оценки позиция, нашедшая выражение в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 октября 2005 г. № А05-3558/2005-23.²⁴

ООО «Гандикап» обратилось в Арбитражный суд Архангельской области с иском к фирме «Кучукалилер Сан. Тид. А. Ш.» о взыскании задолженности за поставленный товар (древесину) по договору купли-продажи и процентов за пользование чужими денежными средствами. Согласно исковому заявлению общество полностью поставило товар, в то время как оплата произведена фирмой частично, в связи с чем был предъявлен иск. Суд возвратил исковое заявление, поскольку пришел к выводу о том, что дело неподсудно арбитражному суду Российской Федерации. Определение оставлено без изменения постановлением суда апелляционной инстанции.

По мнению подателя кассационной жалобы (Общества), предъявленный иск подлежит рассмотрению в арбитражном суде Российской Федерации, поскольку, в частности, имеет место тесная связь спорного правоотношения с территорией Российской Федерации.

ФАС Северо-Западного округа счел, что доказательств наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации в материалах дела не представлено. Страна происхождения товара и право собственности истца на неоплаченный товар (срубленную древесину) не могут служить определяющими факторами для признания того, что спорное правоотношение тесно связано с территорией РФ.

В любом случае тесная связь должна иметь какое-либо практическое обоснование: облегченный порядок исполнения будущего решения, сбора доказательств, защиту слабой стороны и т. д. В данном случае... рассмотрение спора сопряжено с возможной необходимостью совершения процессуальных действий на территории Турции. Учитывая изложенное, суд кассационной инстанции оставил кассационную жалобу без удовлетворения, а оспариваемые судебные акты — без изменения.

²³ *Международное публичное и частное право*. 2003. № 1.

²⁴ СПС «Гарант».

В данном деле суд исходил из ограничительного в сравнении с предыдущим примером толкования п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК и при этом пытался выявить дополнительные признаки (факторы), с которыми может быть связана возможность обоснования международной подсудности арбитражных судов РФ по принципу наиболее тесной связи. Правда, как представляется, поиск *«какого-либо»* практического обоснования международной подсудности не снимает всех тех недостатков применения принципа наиболее тесной связи для нужд международной подсудности, которые уже были обозначены в данном исследовании, в частности не отвечает общепризнанному положению об определенности компетентного суда. Идея, выраженная в анализируемом судебном постановлении, скорее отражает американский подход о выборе наиболее подходящего суда, нежели общий российский территориальный подход определения международной подсудности, основанный в первую очередь на учете интересов ответчика.

Образцы соответствующих зарубежных норм свидетельствуют об ограничительном применении принципа наиболее тесной связи для нужд международной подсудности, не говоря уже о том, что никак нельзя сделать вывод о его широком распространении в мировой законодательной либо договорной практике. Согласно ст. 3 Закона о международном частном праве Швейцарии 1987 г.: *«В тех случаях, когда настоящий Закон не предусматривает какого-либо компетентного органа в Швейцарии, а рассмотрение дела за рубежом оказывается невозможным или нельзя разумно требовать, чтобы такое рассмотрение было начато»* (курсив наш. — М. М.), компетентным признается швейцарский судебный или административный орган по месту, с которым соответствующее дело имеет достаточную связь». ²⁵ Как видно из приведенного текста, ст. 3 охватывает своим регулированием и международную подсудность, и внутреннюю территориальную подсудность; при этом возможности предъявления иска по месту достаточной связи дела с территорией юрисдикции суда ограничены.

То же самое можно сказать и о соответствующем регулировании ст. 153 Закона о МЧП Румынии 1992 г., в соответствии с которой: *«В случае, когда иностранный судебный орган заявляет об отсутствии у него компетенции принимать решение по иску гражданина Румынии»* (курсив наш. — М. М.), такой иск может быть предъявлен в румынский орган, наиболее тесно связанный с делом». ²⁶ В данной норме обнаруживаются корни латинской системы определения международной подсудности, целью которой является защита собственных граждан. Один из ограничительных признаков связан с критерием гражданства стороны, другой — с критерием невозможности рассмотрения дела в судах другого государства.

И еще один образец — ст. 17 Закона о МЧП Грузии: *«Если законодательство Грузии не предусматривает внутреннюю компетенцию производства по делам и в то же время невозможно возбуждение дела в иностранном государстве или, ввиду обстоятельств дела, ведение там процесса не имеет смысла, компетентен суд, находящийся на той территории Грузии, где гражданин Грузии, проживающий в иностранном государстве»* (курсив наш. — М. М.), имел последнее место жительства или обычное место нахождения». ²⁷ Собственно, в данной норме критерий наиболее тесной связи не называется. Он сведен к конкретным территориальным привязкам подсудности и в этом смысле

---

²⁵ *Международное частное право: Иностранное законодательство / Предисл. А. Л. Маковского; сост. и научн. ред. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. М., 2000. С. 629.*

²⁶ Там же. С. 520. — См. также ст. 3136 ГК Квебека (Там же. С. 359).

²⁷ Там же. С. 94.

является вполне определенным. В остальном эта норма вобрала в себя все условия ее применения, используемые в выше указанных актах зарубежных государств.

Поэтому еще раз подчеркнем, что критерий наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ (п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ) следовало бы ограничить законодательно или, по крайней мере, ограничительно применять — в случаях, когда рассмотрение дела за рубежом оказывается невозможным или нельзя разумно требовать, чтобы такое рассмотрение было начато. Принципиально такая норма необходима, дабы гарантировать судебную защиту в РФ, если в ней отказано за рубежом. Можно, конечно, сказать, что законы о международном частном праве Швейцарии (1987 г.) или Румынии (1992 г.), которые содержат аналогичные нормы ограниченного действия, устарели. Но Регламент Совета Евросоюза, пришедший на смену Брюссельской конвенции, — новый акт объединенной Европы, посвященный вопросам международной подсудности и признания и исполнения судебных решений по гражданским и торговым делам, — основан на прежнем территориальном подходе и соответственно — фиксации конкретных территориальных критериев определения международной подсудности. Оценивая возможности *forum non conveniens* в немецком праве, Х. Шак пишет, что это учение отклоняется в литературе подавляющим большинством.²⁸ Главный его недостаток — в неопределенности предпосылок применения.

Что касается возможности расширения международной подсудности судов того или иного государства как наиболее удобных в интересах обеих сторон процесса, то для этого также имеется проверенный механизм определения международной подсудности — путем безоговорочного вступления ответчика в процесс.

8. Востребованным может оказаться еще один способ регулирования международной подсудности, известный действующему законодательству. В предписаниях ч. 1 ст. 29 ГПК РФ содержатся указания, имеющие прямое отношение к международной подсудности — иск к ответчику, место жительства которого неизвестно, или не имеющему места жительства в Российской Федерации, может быть предъявлен в суд по месту нахождения его имущества или по последнему известному месту жительства в Российской Федерации. В этих случаях законодатель специально регулирует только внутреннюю территориальную подсудность, но «с его молчаливого согласия» предполагается и международная подсудность российских судов. Такой вывод, как представляется, опирается на следующие обстоятельства: 1) в процессуальном правоотношении, урегулированном данной нормой, присутствует иностранный элемент, который заключается в проживании ответчика за пределами территории РФ; 2) данная норма служит цели разрешения коллизии процессуальных законов различных государств в определении компетентной судебной системы. Аналогичный способ регулирования международной подсудности гражданских дел, подведомственных арбитражным судам, отражают также ч. 1, 3 ст. 36 и ч. 7 ст. 38 АПК РФ; ч. 5 ст. 1 в совокупности с ч. 1 ст. 33 Федерально-го закона «О несостоятельности (банкротстве)» и ч. 4 ст. 38, ст. 224 АПК РФ.²⁹

²⁸ Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: Учебник / Пер. с нем. С. 242–244; Schack H. Die Versagung der deutschen internationalen Zuständigkeit wegen *forum non conveniens* und *lis alibi pendens* // *Rebels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*. 1994 (58). S. 41–47.

²⁹ Федеральный закон № 127-ФЗ от 26 октября 2002 г. (СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190; с посл. изм.). — Например, с учетом ч. 5 ст. 1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» была определена компетенция Арбитражного суда г. Москвы по заявлению Компании «BINAIS B.V.» о включении ее требований в размере 1 200 000 долларов США в реестр кредиторов должника ОАО «Ассоциация Спутникового Телевидения», в отношении которого открыто конкурсное производство на основании решения Арбитражного суда

Актуальность этого способа в первую очередь обнаруживается при решении вопроса о международной подсудности по делам, стороны которых — российские лица, а другие элементы спорного правоотношения имеют иностранное происхождение, поскольку на эти случаи формально регулирование о международной подсудности, установленное разделами V ГПК и АПК РФ «Производство по делам с участием иностранных лиц», не распространяется.

г. Москвы (*Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 3 июня 2004 г. № КГ-А40/4299-04 (СПС «Гарант»)).